

«ЕСТЬ ЛЮДИ ОСТРОУМНЫЕ...»: ФОРМИРОВАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВА *ОСТРОУМИЕ* В КОНТЕКСТЕ XVIII в.

А.В. Растягаев, Ю.В. Сложеникина

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00356 А «Журнал А.П. Сумарокова “Трудолюбивая Пчела” (1759) и его значение для русской литературы XVIII века».

Аннотация. Изучение частного случая развития полисемии у одного слова из лексикона XVIII в. выявило связь данного явления с фундаментальной проблемой, общей для всей филологической науки в целом – проблемой взаимовлияния языка и культуры. Авторы статьи обращают внимание на изменение семантической структуры слова *остроумие* в современном русском языке. Проанализировав тексты XVIII в. Ф. Прокоповича, В.Н. Татищева, В.К. Тредиаковского, М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова, Д.И. Фонвизина и некоторых других авторов, сделан вывод, что исходное значение слова *остроумие* было рациональным, обозначало широту, глубину ума, обширность познаний. Современное значение стало риторическим: это качество публичной речи, в которой говорящий использует логические, языковые и прочие приемы, делающие высказывание смешным, украшенным языковой игрой, т.е. эстетически оформленным. На эстетическую и поэтологическую позицию писателей XVIII в. повлияла концепция остроумия (*wit*) раннего английского Просвещения, которая нашла свое отражение в статьях Дж. Аддисона. Английский публицист не только указал на полисемичность самого слова *wit*, но и предложил различать в одном из ключевых понятий английской поэтологической мысли *остроумие* истинное (*true wit*) и ложное (*false wit*). Словари современного русского языка не фиксируют первоначальное значение слова *остроумие*. Можно утверждать, что исконное значение стало в современном русском языке семантическим архаизмом. В русском языке слово *остроумие* появилось в результате калькирования. Время возникновения – начало 1720-х гг. Первоначальная парадигма – острота ума как способность проникать в самые глубины – была задана Ф. Прокоповичем. Однако уже в начале 1730-х гг. в творчестве Татищева появляется понимание *остроумия* как колкости. Слово начинает развивать многозначность, и типичной становится ситуация, когда у одного и того же автора в зависимости от жанра, контекста появляется одно из двух значений. Например, в эпистолярном жанре Ломоносов снабжает *остроумие* негативными коннотациями, но в высоком стиле продолжает называть *остроумием* глубину ума. Первая рефлексия по поводу расхождения значений слова связана со статьей А.П. Сумарокова «О разности между пылким и острым разумом», опубликованной в апрельской книжке журнала «Трудолюбивая Пчела». С начала 1760-х гг. эти два значения вступили в конкуренцию. Бурно развивающиеся сатирические жанры, басенное творчество укореняли понимание *остроумия* как свойства речи (текста – в широком его смысле), а не ума. Рациональное значение стало уходить на периферию, вытесняться риторическим. Противоборство впоследствии закончилось полным вытеснением первоначальной семантики.

Ключевые слова: остроумие; семантический архаизм; лексика; русский язык; русская литература; XVIII в.; А.П. Сумароков; журнал «Трудолюбивая Пчела».

Введение

Задумывались ли мы о том, что общеупотребительное и достаточно частотное слово *остроумие* в современном русском языке является семантическим архаизмом и не употребляется в исконном значении? Например, в «Русском толковом словаре» В.В. Лопатина и Л.В. Лопатиной словарная статья имеет следующий вид:

ОСТРОУМИЕ, -я, ср. 1. Изобретательность в нахождении ярких, смешных или язвительных выражений. <...> 2. Изобретательность, тонкость ума, находчивость в решении тех или иных вопросов [1. С. 393–394].

Толкование прилагательного дается через существительное:

ОСТРОУМНЫЙ, -мен, мна. Отличающийся остроумием, обладающий остроумием [Там же. С. 394].

Синонимические словари соотносят понятие *остроумие* с *острословием*: *острословить* – значит говорить остроумно; острить. Указанный словарь за первой частью сложных слов *остро...* закрепляет два значения: первое связано с физическим понятием остроты, например *остроугольный*, второе имеет значение «очень», например *остродефицитный* [Там же. С. 393].

В современном русском языке за словом *остроумие* закрепилось риторическое значение: качество остроумия можно проявить в публичной речи, используя логические, языковые или прочие приемы, делающие речь смешной, украшенной языковой игрой, т.е. эстетически оформленной. Однако контекстный семантический анализ слова *остроумие* с момента его появления в русском языке в XVIII в. показывает, что исконное значение было иным – рациональным.

Изучение частного случая развития полисемии у одного слова из лексикона русского XVIII в. выявило связь данного явления с фундаментальной проблемой, общей для всей филологической науки в целом – проблемой взаимовлияния языка и культуры. С первой четверти и до самого конца XVIII в. русская культура оказалась в ситуации диалога с культурами западноевропейских стран. В нашем случае это напрямую касается самого понятия *остроумие* и рецепции различных риторических и поэтологических концепций, явленных в культурных традициях Античности и эпохи Просвещения и воспринятых отечественной культурой.

Так, первым в XVIII в., кто, следуя античной традиции, воспользовался калькированным латинским словосочетанием *acumen ingenii* в форме *остроумие*, был Феофан Прокопович. Достаточно стройную концепцию *остроумия* сформулировал на русском языке М.В. Ломоно-

сов. Российский ученый опирался на труды Псевдо-Лонгина, Н. Коссе-на, Ф.-А. Помея и И.К. Готшеда. На эстетическую и поэтологическую позицию А.П. Сумарокова повлияла концепция *остроумия* (*wit*) раннего английского Просвещения, которая нашла свое отражение в статьях Дж. Аддисона. Английский публицист не только указал на полисемичность самого слова *wit*, но и предложил различать в одном из ключевых понятий английской поэтологической мысли *остроумие* истинное (*true wit*) и ложное (*false wit*). Рецепция данной концепции заметна в статье Сумарокова «О разности между пылким и острым разумом», опубликованной в апрельской книжке журнала «Трудолюбивая Пчела» в 1759 г. По-видимому, именно эта публикация, зафиксировавшая двойственность самого понятия, повлияла на дальнейшее развитие полисемичности слова *остроумие* в русском языке XVIII в.

Методология исследования

Научно-методологическую основу статьи составили фундаментальные труды по исторической лексикологии, семантике, лексикографии. На подготовительном этапе языковой материал собирался методом сплошной выборки по первоисточникам XVIII в. Языковую базу исследования составили тексты XVIII в. Ф. Прокоповича, В.Н. Татищева, В.К. Тредиаковского, М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова, Д.И. Фонвизина и некоторых других авторов. Словоупотребление анализировалось с помощью описательного метода, метода компонентного анализа, сравнительно-исторического, контекстного, дефиниционного, лингвокультурологического методов. Описательный метод использовался для синхронического анализа современного значения слова *остроумие*. Составными частями данного метода являлись наблюдение над толкованием лексемы в толковых словарях русского языка и классификация сем в структуре значения слова. Метод компонентного анализа позволил выделить семантические признаки, перегруппировка которых трансформировала исходную семантику изучаемого слова *остроумие*. Привлечение сравнительно-исторического метода дало возможность установить семантические различия в разные периоды употребления слова *остроумие*. Контекстный метод исходил из анализа части через целое, т.е. единицами анализа стали языковые структуры более широкие, чем само слово. Слово *остроумие* анализировалось в составе контекстов, выделенных из текстов Ф. Прокоповича, В.Н. Татищева, В.К. Тредиаковского, М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова, Д.И. Фонвизина и некоторых других авторов и объединенных языковой единицей *остроумие*, которая в контексте реализовала и активизировала свое актуальное значение. В статье контекст рассматривался как любое текстовое окружение, а сам контекстный анализ выступал в функции дистрибутивной методики. Контекстный метод опирался на данные

Национального корпуса русского языка, представляющего собой информационно-справочную систему текстов на русском языке в электронной форме. Его текстовая база стремится представлять язык на определенном этапе его существования во всем многообразии жанров, стилей и вариантов, отличается представительностью, сбалансированностью текстов, пропорциональностью [3]. Дефинитивный метод предполагал обращение к словарям русского языка, как-то: Лопатин В.В., Лопатина Л.В. Русский толковый словарь [1], Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [2], Словарь русского языка XVIII века [4]. Лингвокультурологический анализ предполагал изучение языка как феномена культуры и восприятие культурной информации в языковом знаке и тексте.

Исследование и результаты

В «Словаре русского языка XVIII века» слова *остроумный* и *остроумие* толкуются следующим образом:

ОСТРОУМНЫЙ (-ой), ая, ое. 1. Обладающий острым, пронизательным умом <...>. || Изобретательный, находчивый в решениях, действиях. || Свидетельствующий об остроте ума, изобретательности <...>.

2. Изобретательный в нахождении ярких, метких или забавных выражений, определений <...>. || Исполненный остроумия (2) [Там же. С. 172–173].

Соответственно:

ОСТРОУМИЕ, я, ср. 1. Тонкость, острота ума; острый пронизательный ум. <...> || Изобретательность, находчивость в решениях, действиях <...>.

2. Изобретательность в разговоре, в нахождении ярких, метких или забавных выражений, определений <...> [Там же. С. 172].

Первое значение с небольшим семантическим оттенком справедливо признается основным для словоупотребления в XVIII в.

1721 г. Ф. Прокопович

В качестве языковой иллюстрации к словарной статье *остроумие* «Словаря русского языка XVIII века» приводится ряд примеров. Один из них – цитата из «Духовного регламента»: «Принимать бы студентов <в Академию> с рассмотрением остроумия» [4. С. 172].

Известно, что «Духовный регламент» подписан Петром I и издан 16 сентября 1721 г. в Санкт-Петербурге отдельной книгой. Сам текст императорского указа был написан по поручению монарха Феофаном Прокоповичем. Изначальная форма «Духовного регламента» – рассуждение Феофана о новом церковном устройстве, духовной коллегии и духовном образовании. По мысли П.В. Верховского, в разделе о духовной

академии автор «резко отличает учение основательное от учения мнимого» [5. С. 436]. Аргументирует свою точку зрения Прокопович следующим образом: с 500 по 1400-е гг., т.е. 900 лет, в Европе учение пребывало в скудости, «так что у самых лучших авторов, во оныя времена писавших, *остроумие* (здесь и далее в тексте «Духовного регламента» курсив наш. – А.Р., Ю.С.) видим великое, а света великаго не видим» [6. С. 2]. Период мнимого учения, по Феофану, Средние века, когда, несмотря на преподавание риторики, философии и богословия, господствовала схоластика, вредная и для государства, и для церкви [5. С. 436].

Слово *остроумие* и его производные употреблены в тексте «Духовного регламента» 10 раз. Причем первый раз Прокопович обращается к нему в самой важной, первой части документа «Что есть духовное коллегия, и какие суть важные вины такого правления?» В качестве основного доказательства необходимости упразднения единоличного властного правления патриарха и введения коллегиального управления церковью Феофан приводит рассуждение о том, что и простой человек может усмотреть то, «чего не усмотрит книжный и *остроумный...*», поэтому нужны «умы многие, и что един не постигнет, то постигнет другой, а чего не увидит сей, то он увидит...» [6. С. 2].

Во второй части «Дела управлению сему подлежащая» в разделе «О епископах» рекомендуется в домах епископов организовывать школы для детей священников, отобранных по следующим требованиям: «А который бы ученик был крайне туп, или хотя и *остроумен*, да развращен, и упрям и непобедимой лености, таковых бы... отпускать от школы, отняв им всю надежду чина священническаго» [Там же. С. 13].

Наиболее частотно слово *остроумие* употребляется в разделе «Домы училищные и в них учителя, и ученики, також и церковные проповедники». Наличие остроумия является основным качеством учителя и ученика. В регуле четвертой говорится о том, что и при наличии остроумия ученик может оказаться ленивым или попасть к плохому учителю и не освоить требуемого учения, тогда «повелеть полгода или год самому учиться от Авторов в деле том искусных, аще учитель хочет быть» [Там же. С. 24]. В регуле шестой предполагается отыскивать остроумных учеников, которые могли бы у лучших учителей, прежде всего во Французской академии, освоить латинскую грамматику за один год, «когда у нас за пять и за шесть лет мало кто постигает» [Там же. С. 25].

На первый взгляд, столь частотное употребление слова *остроумие* в «Духовном регламенте» может свидетельствовать о якобы его ординарном и регулярном явлении для русского языка первой четверти XVIII столетия. Однако это не совсем так. Текст практической части регламента – результат личного духовного опыта Феофана Прокоповича. Основным источником правил учреждения Академии и Семинарии стали образцы родной для него Киево-Могилянской академии, учреж-

денной по иезуитскому порядку, и католической Коллегии св. Афанасия в Риме, где Феофан учился. Появление слова *остроумие* и его производных в русском языке XVIII в. можно объяснить калькированием латинского понятия *acumen ingenii*, укорененного в античной традиции и заимствованного Прокоповичем. Ср. «ОСТРОУМИЕ *acumen ingenii* (*vir magno ingenii acumine*); *ingenium acre*; *subtilitas*; в шутках *facetiae*, *lepores*, *sales*; *urbanitas*; *dicacitas*. Остроумный *acutus* (*homo*); *acer*, *perspicax*, *sagas*; *subtilis* (Тонкий, тонко различающей, о лицах и предм., напр, *iudicium*). Adv. *acute*, *acriter*, *sagaciter*; *subtiliter*; остр, заключать о чем *acute arguteque conicere de re...*» [7. С. 232].

Следуя именно латинской риторико-поэтологической традиции, продолженной в курсах преподавания словесности в Киево-Могилянской академии и московской Славяно-греко-латинской академии, Прокопович разводит два понятия: собственно остроумие как *ingenii acumen* (талант + сообразительность) и обученное красноречие, и в своем словоупотреблении под *остроумием* понимает пронизательность, сообразительность, глубину познаний.

1733 г. В.Н. Татищев

Наши наблюдения позволяют говорить о возникновении второго значения *остроумия* как насмешливости, изобретательности, язвительности в первой трети XVIII в., конкретно – в 1733 г. в «Разговоре о пользе наук и училищ» В.Н. Татищева. Слово *остроумие* встречается в труде 3 раза, два из них – с семантикой большого и пронизательного ума. Однако один раз об остроумии говорится в контексте шутки. Так, 28-й вопрос задан о том, что если животные и без всякого научения благополучны и совершенны, «то коль паче человек... что имеет превосходное изящество пред всеми животными, без научения естественным порядком благополучен быть может». В ответ приятель говорит: «Ай, мой господин, ваше мнение весьма истинны отдалается, и я мню, что вы сие токмо по остроумию вашему шутили, а не истинное мнение объявили...» [8. С. 29]. Об *остроумии*, в противовес первому значению, говорится как об отдалении от истины.

1735 г. В.К. Тредиаковский

В речах и письмах В.К. Тредиаковского вслед за В.Н. Татищевым намечается семантическое расхождение значений слова *остроумие*. Так, в «Речи... о чистоте российского языка», которую Тредиаковский произнес в Санкт-Петербургской императорской академии наук 14 марта 1735 г., за словом закреплено рациональное значение. Обращаясь к тогдашнему Президенту академии Иоганну-Альбрехту фон Корфу (1734–1740), российский писатель и ученый называет его *остроумным* и мудрым мужем [9. С. 145] (см. также [10–13]).

В «Письме к приятелю о нынешней пользе гражданству от поэзии» (1735) Тредиаковский рассуждает о людях, удалившихся от мира в поисках спокойствия и возобновления изнуренных сил «для плодоносящих трудов, чрез борьбу *остроумных* вымыслов, чрез искусное совокупление и положение цветов и красок, чрез удивительное согласие струн, звуков и пения... которое толь полезно есть здравию, возбуждают и на дела потом ободряют» [9. С. 110]. Очевидно, в данном контексте-размышлении о пользе искусства *остроумие* понимается как эстетическое свойство речи, живительно воздействующее на человека. В 1737 г. в переводе книги Н. Ремона де Кура с французского «Истинная политика знатных и благородных особ», подготовленном Тредиаковским, встречаем: «Пусть они шутят; но чтобь шутка была никому не обидна, и также бы *остроумна* и благородна» [14. С. 106]. В этом примере еще отчетливее *остроумие* явление как качество речи с оговоркой, что она должна быть благородной, соответствующей достоинству. В целом автор книги считает, что привычка к шуткам неприлична знатному молодому человеку, а увеселение компании следует оставить людям подлого происхождения. Шутками знатные люди унижают себя и вызывают презрение слушающих.

1739 г. и далее. М.В. Ломоносов

М.В. Ломоносов в большинстве своем придерживался понимания *остроумия* как свойства ума. Среди контекстов употребления можно отметить такое: «Молодой человек преимущественного *остроумия*, Михайло Ломоносов с того времени, как для учения в Марбург приехал, часто математические и философические, а особливо физические лекции слушал и безмерно любил основательное учение» [Там же. С. 709]. Слово *остроумие* появляется в контексте превосходных научных сочинений, необходимости истолкования различного рода явлений, претрудных вопросов, рассуждения, остроумными Ломоносов называет математиков, физиков, химиков и под.

С начала 1750-х гг. Ломоносов резко десакрализует риторическое остроумие. Так, в письме к И.И. Шувалову (10.03.1752) он прибегает к риторическому приему оксюморона, говоря о Вольтере: его *остроумие* называет полоумным, честность бессовестной, хвалу ругательной. В другом письме (05.10.1753) вспоминает Диогена, жившего «с собаками в бочке и своим землякам» оставившего «несколько *остроумных* шуток» [15. С. 473–474]. Хотя при этом не отказывается от общепринятого употребления, и по-прежнему слово *остроумие* оказывается в одном синонимическом ряду с выражениями типа *премудрость Екатерины, ревностное учение, очи просвещения, твердое рассуждение* и под.

1759 г. А.П. Сумароков

Первое наблюдение над сущностью *остроумия* и, следовательно, над значением этого слова принадлежит А.П. Сумарокову. Оно обозна-

чено в статье «О разности между пылким и острым разумом», опубликованной в апрельской книжке журнала «Трудолюбивая Пчела» [17. С. 235–237]. Называя статью «О разности между пылким и острым разумом», Сумароков сразу определяет основную проблему небольшого по объему текста, противопоставляя два типа разума. В заглавии явлена важная для писателя оппозиция *ум пылкий / острый*. Пылкий ум для Сумарокова – это ум поверхностный, скорый, беглый, а «острый разум состоит в проницании» [Там же]. Людей, блистающих беглостью разума, Сумароков считает малоумными, скудоумными, хитрыми. Он рассуждает о соотношении проницательности, глубины ума и скорости мысли для разных должностей: министра, судьи, солдата, полководца, стихотворца. Вывод писателя таков: «И так когда говорится: Человек пылкой, его не называется, человек разумной. Разумной человек, есть человек основательной» [Там же. С. 236]. То, что может быть испорчено скорыми, непродуманными решениями, часто и в долговременной перспективе исправлено быть не может (здесь Сумароков говорит о полководцах, которые быстрыми решениями теряют армии). То есть для Сумарокова *остроумие* соотносится с первым значением: «Острый разум доходит до основания» [Там же].

Второе значение, указанное в «Словаре русского языка XVIII века», «изобретательный в нахождении ярких, метких или забавных выражений, определений», признается новым, актуализированным в 70-е гг. XVIII столетия. Первый пример словоупотребления в данном значении авторы словаря относят к 1770–1780-м гг., фиксируют цитату из стихотворной переделки басни «Нептун, Минерва, Вулкан и Момус» М.Н. Муравьева под названием «Суд Момов. К М.А. Засодимскому»: «Насмешник греческий, писатель *остроумный*, Таковую повесть нам оставил Лукиан» [4. С. 172]. Однако сам текст Муравьева не изображает Лукиана «изобретательным в нахождении ярких, метких или забавных выражений, определений» писателем. В данном случае словосочетание «насмешник греческий» не является синонимическим для словосочетания «писатель остроумный» по семе «исполненный остроумия» во втором значении. Первоисточник басни Муравьева – эпизод из диалога Лукиана «Гермотим, или О выборе философии». Это не басенный текст, а серьезный диалог о философии, испытывающий сильное влияние платонизма. В нем Лукиан выступает критиком умозрительной философии, не связанной с жизнью.

Второй пример из Бюокена также представляется некорректным: «*Остроумнейшие* за бутылкою люди бывают премеланхоликами с похмелья» [4. С. 172]. Во-первых, если исходить из принципа антитезы, на котором построен данный фрагмент текста, то контекстуальным синонимом к слову *остроумнейший* будет «превеселый», т.е. антоним к

«премеланхолику». А данная сема авторами словаря не выделяется даже в качестве оттенка лексического значения «*Исполненный остроумия* (2)» [Там же. С. 173]. Во-вторых, указанная цитата взята из популярного в конце XVIII – первой половине XIX в. в России и США домашнего лечебника шотландского врача Уильяма Бьюкена (1729–1805). Неизвестный русский переводчик в качестве источника использовал французский перевод Ж.Д. Дюпланиль. Русский текст – это перевод с перевода, который не может отражать в полной мере культурный контекст русского XVIII столетия и датировать появление нового производного лексического значения прилагательного *остроумный* 1790-ми гг., как и предыдущий пример 1770-ми или 1780-ми гг.

1761–1765 г. Д.И. Фонвизин

Пожалуй, первым художником слова, который актуализировал второе значение слова *остроумный*, является Д.И. Фонвизин. Так, в его переводах басен Л. Гольберга, датированных 1761–1765 гг., отмечается только значение изобретательности, шутливости, более того, свойство *остроумия* приписывалось животным: «Мать замолчала, услыша сей ответ, который был более *остроумен*, нежели основателен» («Женитьба – лотерея»). В данном случае *остроумие* прямо противопоставляется основательности; «Баснь доказывает, что *остроумная* шутка часто более имеет действия, нежели важное увещание» («Леонорины фижмы»); «Все его стихи, в которых прежде ястребы, рыси и прочие *остроумные* твари не находили погрешностей, начали уже критиковать и самые слепые кроты» («Судьба пастуха Дамона») [18. С. 384, 354, 409].

Заключение

Таким образом, в русском языке слово *остроумие* появилось в результате калькирования. Время возникновения – начало 1720-х гг. Первоначально острота ума понималась как способность проникать в самые глубины. Самым близким синонимом можно считать слово «проницательность». Эта парадигма была задана Ф. Прокоповичем. Однако уже в начале 1730-х гг. в творчестве Татищева появляется понимание *остроумия* как колкости. Слово начинает развивать многозначность, и типичной становится ситуация, когда у одного и того же автора в зависимости от жанра, контекста появляется одно из двух значений, например, в эпистолярном жанре Ломоносов снабжает *остроумие* негативными коннотациями, но в высоком стиле продолжает называть *остроумием* глубину ума. Первая рефлексия по поводу расхождения значений слова связана со статьей А.П. Сумарокова «О разности между пылким и острым разумом», опубликованной в апрельской книжке журнала «Трудолюбивая Пчела». Можно предположить, что с

начала 60-х гг. XVIII в. два значения вступили в конкуренцию. Бурно развивающиеся сатирические жанры, басенное творчество укоренили понимание *остроумия* как свойства речи (текста – в широком его понимании), а не ума. Рациональное значение стало уходить на периферию, вытесняться риторическим. Противоборство впоследствии закончилось полным вытеснением первоначальной семантики.

Литература

1. **Лопатин В.В., Лопатина Л.В.** Русский толковый словарь. 4-е изд., стереотип. М. : Рус. яз., 1997. 831 с.
2. **Ефремова Т.Ф.** Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. М. : Рус. яз., 2000. Т. 2. 1084 с.
3. **Национальный корпус русского языка.** URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 17.06.2018).
4. **Словарь русского языка XVIII века / редкол. Ю.С. Сорокин и др. Вып. 17: Оный – Открутить.** СПб. : Наука, 2007. 253 с.
5. **Верховской П.В.** Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент: К вопросу об отношении церкви и государства в России. Исследования в области русского церковного права : в 2 т. Т. I: Исследования. Ростов н/Д : Типография М.И. Гузмана; Типография А.И. Тер-Абрамяна, 1916. 896 с.
6. **Духовный регламент.** СПб., 16. IX. 1721. 27 л.
7. **Мусселиус В.В.** Русско-латинский словарь. СПб. : К.Л. Риккер, 1891. VI. 424 с.
8. **Татищев В.Н.** Разговор о пользе наук и училищ. М. : В Унив. тип., 1887. 197 с.
9. **Тредиаковский В.К.** Сочинения и переводы как стихами, так и прозою. СПб. : Наука, 2009. 667 с.
10. **Сложеникина Ю.В.** Принцип *Imitatio Christi* в «Речи о чистоте русского языка» В.К. Тредиаковского // Литературоведческий журнал. 2011. № 28. С. 25–33.
11. **Сложеникина Ю.В., Растягаев А.В.** Астраханский побег Василия Тредиаковского: во имя служения логосу // Каспийский круг: города-побратимы – символ совместного наследия : сб. материалов междунар. форума. Волгоград : ИП Поликарпов И.Л., 2014. С. 184–190.
12. **Slozhenikina Y.V., Rastyagaev A.V.** Genesis of cultural and political mythology: Trediakovsky (1757) Lomonosov (1758), Sumarokov (1759) about the origin of russian nation and russian language // Russian linguistic Bulletin. 2016. № 1 (5). P. 36–37.
13. **Растягаев А.В., Сложеникина Ю.В.** О происхождении русского народа и русского языка: Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 3. С. 299–307.
14. **Истинная** политика знатных и благородных особ / переведена с французского чрез Василья Тредиаковского Санктпетербургския имп. Академии наук секретаря. СПб. : Печ. при Имп. Акад. наук, 1737. 224 с.
15. **Ломоносов М.** Избранные философские произведения / под общ. ред. и с предисл. Г.С. Васецкого. М. : Госполитиздат, 1950. 759 с.
16. **Ломоносов М.В.** Полное собрание сочинений : в 11 т. М. ; Л. : АН СССР, 1957. Т. 10. 934 с.
17. **Сумароков А.П.** О разности между пылким и острым разумом // Трудолюбивая Пчела. СПб. : Тип. Акад. наук, 1759. С. 235–237.
18. **Фонвизин Д.И.** Собрание сочинений : в 2 т. М. ; Л. : Гослитиздат, 1959. Т. 1. 631 с.

Сведения об авторах:

Растягаев Андрей Викторович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологии и массовых коммуникаций Самарского филиала Московского городского педагогического университета (Самара, Россия). E-mail: avr67@yandex.ru

Сложенникова Юлия Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры филологии и массовых коммуникаций, декан филологического факультета Самарского филиала Московского городского педагогического университета (Самара, Россия). E-mail: goldword@mail.ru

Поступила в редакцию 29 января 2019 г.

“THERE ARE WITTY PEOPLE...”: FORMATION OF THE SEMANTIC STRUCTURE OF THE WORD WIT IN THE CONTEXT OF THE XVIII CENTURY

Rastyagaev A.V., D.Sc. (Philology), Professor of the Department of Philology and Mass Communications of the Samara branch of Moscow City Pedagogical University (Samara, Russia). E-mail: avr67@yandex.ru

Slozhenikina Yu.V., D.Sc. (Philology), Professor of the Department of Philology and Mass Communications of the Samara branch of Moscow City Pedagogical University (Samara, Russia). E-mail: goldword@mail.ru

DOI: 10.17223/19996195/45/7

Abstract. The study of particular cases of polysemy development in one word within Russian XVIII century vocabulary revealed the connection of this phenomenon with the fundamental problem common to the whole philological science – that is the problem of interaction of language and culture. The authors pay attention to the changes in the semantic structure of the word wit in the modern Russian language. Analyzing the texts of the XVIII century by F. Prokopovich, V.N. Tatishchev, V.K. Trediakovsky, M.V. Lomonosov, A.P. Sumarokov, D.I. Fonvizin, and others, the authors conclude that the original meaning of the word wit was rational, denoting the breadth, depth of mind, vastness of knowledge. The modern meaning has become rhetorical: it is the quality of public speech, in which the speaker uses logical, linguistic and other techniques that make a statement funny, decorated with a language game that is aesthetically designed. The aesthetic and poetological position of the XVIII century writers was influenced by the concept of “wit” of early English Enlightenment, which was reflected in the articles by Joseph Addison. The English publicist not only pointed out the polysemicity of the word “wit”, but also proposed to distinguish “true wit” and “false wit” within one of the key concepts of the English poetic thought. Dictionaries of the modern Russian language do not fix the original meaning of the word wit. We can conclude that the primal meaning has become a semantic archaism in the modern Russian language. Here is a brief history of the semantics change of the word “wit”. In the Russian language the word “wit” appeared as a result of simple replication. Time of its origin is the beginning of the 20-ies of XVIII century. The original paradigm – sharpness of the mind as the ability to penetrate into the depths – was set by F. Prokopovich. However, already in the early 30-ies of XVIII century in the works of Tatishchev there appears an understanding of “wit” as prickliness. The word begins to develop polysemy, and the situation when one and the same author depending on the genre and context chooses one of two meanings, becomes typical, for example, in the epistolary genre Lomonosov supplies “wit” with negative connotations, but in high style he continues to call “wit” the depth of mind. The first reflection on the differences in meaning of the word is connected with the article by A.P. Sumarokov “About the difference between a passionate and a sharp mind”, published in the April book of the magazine “Hardworking Bee”. Since the early 60-ies of the XVIII century two values entered into competition between each other. Rapidly developing satirical genres and fabled creativity rooted understanding of “wit” as the property of speech (or text – in its broadest sense), and not the mind. The rational value began to fade and was almost replaced by the rhetorical one. The confrontation subsequently ended with the complete displacement of the original semantics.

Keywords: wit; semantic archaism; vocabulary; the Russian language; Russian literature; XVIII century; Sumarokov; magazine “Hardworking Bee”.

References

1. Lopatin V.V., Lopatina L.V. (1997) Russkij tolkovyj slovar' [Russian explanatory dictionary]. 4-e izd. M.: Russkij jazyk.
2. Efremova T.F. (2000) Novyj slovar' russkogo jazyka. Tolkovno-slovoobrazovatel'nyj [New dictionary of the Russian language. Explanatory and word-formation]: in 2 vol. Vol. 2. M.: Russkij jazyk.
3. Nacionalnyj korpus russkogo jazyka [The National corpus of the Russian language]. <http://www.ruscorpora.ru>.
4. Slovar' russkogo jazyka XVIII veka [Dictionary of the Russian language of the 18th century] (2007) / Redkollegiya Yu.S. Sorokin et al. 17: Onyj – Otkrutyj. SPb: Nauka.
5. Verkhovskoj P.V. (1916) Uchrezhdenie Duhovnoj kollegii i Duhovnyj reglament: K voprosu ob otnoshenii cerkvi i gosudarstva v Rossii. Issledovaniya v oblasti russkogo cerkovnogo prava [The establishment of the Theological College and religious regulations: the question of the relation of Church and state in Russia. Research in the field of Russian Church law]. in 2 vol. Vol. 1: Issledovaniya. Rostov-na-Donu: Tipografiya M.I. Guzmana; Tipografiya A.I. Ter-Abramyana.
6. Duhovnyj reglament [Spiritual regulations] (1721). SPb.
7. Musselius V.V. (1891) Russko-latinskij slovar' [Russian-Latin dictionary]. SPb.
8. Tatishchev V.N. (1887) Razgovor o pol'ze nauk i uchilishch [Talk about the benefits of science and schools]. M.: Universitetskaya tipografiya.
9. Trediakovskij V.K. (2009) Sochineniya i perevody kak stikhami, tak i prozoyu [Works and translations in both poetry and prose]. SPb.: Nauka.
10. Slozhenikina Yu.V. (2011) Princip imitatio christi v "Rechi o chistote rossijskogo jazyka" V.K. Trediakovskogo [The principle of Imitatio Christie in the "Speech on the purity of the Russian language" by V. K. Trediakovsky] // Literaturovedcheskij zhurnal. 28. pp. 25-33.
11. Slozhenikina Yu.V., Rastyagaev A.V. (2014) Astrahanskij pobeg Vasiliya Trediakovskogo: vo imya sluzheniya logosu [Astrakhan escape of Vasilii Trediakovsky: for the sake of the service of logos] // Kaspiskij krug: goroda-pobratimy – simvol sovmestnogo naslediya. Sbornik materialov mezhdunarodnogo foruma. pp. 184-190.
12. Slozhenikina Y.V., Rastyagaev A.V. (2016) Genesis of cultural and political mythology: Trediakovskij (1757), Lomonosov (1758), Sumarokov (1759) about the origin of russian nation and russian language // Russian linguistic Bulletin. 1 (5). pp. 36-37.
13. Rastyagaev A.V., Slozhenikina Yu.V. (2015) O proiskhozhdenii russkogo naroda i russkogo jazyka: Trediakovskij, Lomonosov, Sumarokov [On the origin of the Russian people and the Russian language: Trediakovsky, Lomonosov, Sumarokov] // Znanie. Ponimanie. Umenie. 3. pp. 299-307.
14. Istinnaya politika znatnykh i blagorodnykh osob [The true policy of the nobles] (1737) / Perevedena s francuzskogo Vasiliem Trediakovskim Sankt-Peterburgskoj imperatorskoj Akademii nauk sekretarya. Sankt-Peterburg: Imperatorskaya Akademiya nauk.
15. Lomonosov M. (1950) Izbrannye filosofskie proizvedeniya [Selected philosophical works] / Pod redakciej G.S. Vaseckogo. M.: Gospolitizdat.
16. Lomonosov M.V. (1957) Polnoe sobranie sochinenij [Complete works]: in 11 vol. Vol. 10. M.: SPb.: AN SSSR.
17. Sumarokov A.P. (1759) O raznosti mezhdru pylkim i ostrym razumom [On the difference between a fervent and a witty mind] // Trudolyubivaya Pchela. SPb.: Tipografiya Akademii Nauk. pp. 235-237.
18. Fonvizin D.I. (1959) Sobranie sochinenij [Collected works]: in 2 vol. M.: SPb.: Goslitizdat. Vol. 1.